

Культура, как известно, движется взрывами, и всякий раз, как что-нибудь взорвется, так что-нибудь от этого да потонет. В конце нынешнего десятилетия взорвались «авторские онлайн-платформы» (типа Ridero, Boookscripor, Author.Today, «Яндекс.Дзен») и потонула целая эскадра литературных журналов.

Если бы мы с вами находились на авторской платформе, этим можно было бы и закончить, — двадцать первый век думает быстро. Но мы на палубе журнала, а потому можем понежить себя подробностями.

Нет, конечно, не авторские платформы виноваты в смерти журналов. Там замах скорее на издательскую индустрию в целом (ближайший пример: пятнадцать лет назад обменные сети и «Ютуб» уничтожили как класс звукозаписывающую индустрию). Журналы же доканала вот такая штука — его величество рынок.

Что такое художественная литература? Мысленно открываем словарь: «Литература художественная — вид искусства...» Боже, какая ветошь. «Зина, в печку его!»

За последние 20 лет литература почти уже превратилась из вида искусства в вид предпринимательской деятельности. Обсуждать теперь принято не творческие успехи и неудачи друг друга, а положение дел в издательствах и книготорговле. Читают — не читают,

берут — не берут, кто берет, и на какие кнопки нажимать, чтобы брали, — вот типичный писательский разговор.

Идеализма литературный человек стыдится (идеализм говорит о его непрофессионализме, о неключенности в современную жизнь с ее «реалиями»), а за всякой прагматичностью еще недавно с упоением бежал задрав штаны (сейчас уже не бежит, прагматичность стала воздухом, которым мы дышим).

Кто-то возразит, справедливо приведя в пример советскую литературу с ее членствами, дачами, доносами и тиражами по разнарядке, дескать, вот где был прагматизм!.. Но там, мне кажется (в случае чего старшие товарищи поправят), было этакое двоemiрие: прагматизм и идеализм лежали в разных карманах. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен». У каждого литчиновника был свой запovedничек, своя потайная комнатка, где Аполлон требовал с него малой жертвы, лепты вдовицы. Там он был романтик, творец с Пушкиным наравне. А потом встряхивался и шел на собрание. Сегодня мне трудно представить себе, чтобы кто-то сказал, что «пишет для Бога» или что им «говорит Язык», и никто бы рядом не ухмыльнулся жалостливо или глумливо. (Если

только, конечно, это не какой-нибудь заслуженный музейный старец, тем можно.)

Почему с литераторами случилась такая штука, понятно, — «зарабатывать надо». Все кругом зарабатывают, чем мы хуже? А зарабатывать литературой становится все сложнее. И чем сложнее становится — тем пуще литератор этим озабочен. В общем с литературой-как-искусством случилась слегка перефразированная поговорка: «Если ты такой искусный, то почему ты такой бедный». Или, как любит говорить Юрий Поляков, «писатель — не тот, кто пишет, а тот, кого читают».

На этом фоне — что такое писательское мастерство? Умение хорошо писать? Нет, конечно. Умение всем нравиться. Быть востребованным, модным, доходчивым (будь проще — и люди к тебе потянутся), знаться с кем положено, иметь доступ к рекламному и прочим ресурсам. Вот тогда тебя и читают, вот тогда ты и писатель, уважаемый человек. И совершенно не важно, сколько ты при этом запятых ставишь в слове «борщ».

А что же журналы? В советское время журналы были грохочущими фабриками литературного производства. Нельзя было стать писателем, не пройдя сквозь их жернова. В журналах существовали институты внутреннего рецензирования и обучающей редактуры. То есть присылаешь ты свое произведение в журнал — для публикации оно не годится, но внутренний рецензент все равно его прочитывает и отвечает тебе: почему не годится, что не так, а что, наоборот, хорошо. А редакторы подолгу — порой год или два — возились с авторами, доводя их произведения (и их самих) до ума. И только потом случалась публикация в журнале, вершина этого труда. А без журнальной публикации не светит членство в союзе писателей, невозможно попадание в издательский план. Не шелестят гонорары, не распахивают дверей дома творчества, не ластится к пяткам народная любовь.

В журналах учили писать. Не «вообще» — вообще научить писать невозможно, даже в детстве, это умение в человеке либо есть, либо нет. В журналах учили писать так, чтобы все вышеперечисленное шелестело и ластилось. Писать «правильно». Ну, то есть, современным языком говоря, — учили зарабатывать.

И — вот смех! — именно тогда, когда это обстоятельство перестало стыдливо прятаться за разговорами об идейности, партийности, народности и художественности, когда журналам не стало нужды притворяться, что они «про искусство», а не про то, «как все устроено», дело рухнуло.

Рухнула литературная распределительная система (помните — издательский план?), частью которой были журналы, пришел Рынок. Издательств стало

много, издаваться в них стало можно всем, вследствие чего книжный рынок затоварился бочкотарой и закрылся на переучет. Пришлось звать на помощь маркетологов, чтобы все эти дары свободы просеивали.

Маркетологи решили использовать инструмент литературных премий. На долгое время (лет на пятнадцать) они стали рыночной заменой журналам в мире «некоммерческой» художественной литературы. Пять-шесть значимых премий выдавали на книжный рынок по десять-пятнадцать писательских «имен», в каждое из которых можно было «вкладываться» — «ставить на продвижение» и «продавать» (прочее издавалось для ассортимента). Сложилась система «издательство — премия — магазин». Где тут литературные журналы? Не вижу.

Вот, собственно, с тех пор их и не существует. Конечно, дыхание Чейна — Стокса было на славу: целые тридцать лет дышали и баламутили молоко лягушачьей лапкой, но все это лишь благодаря тому, что общество у нас косное, совестливое — долго не решалось повыкидывать «национальное достояние» из сталинской недвижки, сдаваемой этим национальным достоянием в субаренду. Но вот решилось. Как же мы теперь будем жить?

Да так и будем, как жили. Все равно тиражи литературных журналов в последние годы редко превышали несколько сотен штук, а что в выходных данных указаны тысячи, так это чтобы мы не забывали делить на десять.

Станет литература когда-нибудь снова искусством или не станет — это прекрасная тема для дискуссии. Но именно в таких вот дискуссиях, как в судорогах, скончалась литературная журналистика. Мир строг, он диктует повестку дня. И если вольный художник волен эту повестку не соблюдать (он имеет право плевать на все — так же, как мир имеет право плевать на него), то журнал такого удовольствия себе позволить не может.

Если всех интересует литературное производство, то и журнал должен писать о литературном производстве, о том самом «берут — не берут» и «на что нажимать, чтоб брали». Если всех интересует успех, то и журнал должен писать о том, кто, как, при каких обстоятельствах (предположительно, хотя бы предположительно!) его добился. «Лайфхаки», «тренинги», «семинары». Именно это, а не публикация художественных текстов, делало бы литературные журналы — литературными, то есть специальными, относящимися к литературе.

В закрывшихся журналах не было ни понимания этого, ни согласия с этим, ни специалистов соответствующей компетенции. Ну, вот они и закрылись.